

СООБЩЕНИЯ И ПУБЛИКАЦИИ

«МАНИФЕСТ КОММУНИСТИЧЕСКОЙ ПАРТИИ» МАРКСА И ЭНГЕЛЬСА В РОССИИ 50—80-х ГОДОВ XIX ВЕКА

Л. Левин

Россия вписала одну из ярких страниц в вековую историю распространения «Манифеста коммунистической партии» и его идей. Ни одна страна не знает такого количества изданий и переводов «Манифеста коммунистической партии», как Россия. Русские переводы «Манифеста», по оценке его авторов, стоят выше переводов на другие языки. Лучшие русские издания «Манифеста» носят оригинальный, творческий характер. Передовые русские люди, несмотря на жесточайшую царскую цензуру, проявили большой интерес к этому гениальному произведению Маркса и Энгельса. Нигде рабочий класс так жадно не впитывал идеи «Манифеста», как в России. СССР — единственная страна, в которой великие принципы «Манифеста» воплощены в жизнь.

★

«Манифест коммунистической партии» вышел в свет, когда в России царил крепостнический строй и не было ещё современного промышленного пролетариата как класса.

Являясь программой борьбы за диктатуру пролетариата, за социализм, «Манифест» не мог быть для России того времени актуальным произведением. Не случайно Маркс и Энгельс, говоря в заключительной главе «Манифеста» о задачах борьбы пролетарских партий в отдельных странах, не упоминают о России.

Первый русский перевод «Манифеста» вышел в свет только через двадцать с лишним лет после появления оригинала. Этот факт вызвал неправильное представление о том, что в отличие от «Капитала» Маркса, известного в России ещё до появления русского перевода, «Манифест коммунистической партии» будто бы стал известен в России значительно позже своего появления. Если говорить о широком знакомстве с «Манифестом», то это представление имеет основание. Следует, однако, учесть, что первый том «Капитала» вышел в 1867 г., когда в России уже была проведена крестьянская реформа, развивался капитализм и вместе с тем развивался пролетариат; на очередь дня становился «рабочий вопрос». Понятно, что «Капитал» для России того времени приобретал актуальное значение. Иная обста-

новка была в николаевской России в конце 40-х годов, когда впервые был опубликован «Манифест коммунистической партии».

Сравнивая популярность в России «Капитала» и «Манифеста», нельзя забывать и о том, что русский перевод «Капитала» был издан легально, в то время как «Манифест» вплоть до первой русской революции был под запретом и издавать его можно было либо за границей либо нелегально. Заграничные издания попадали в Россию с большими трудностями, а нелегальные издания выпускались в небольшом тираже, печатались чаще всего на гектографе, mimeографе и литографским путём, а подчас распространялись в рукописях.

Известно, что передовые русские люди 40-х годов были знакомы с некоторыми ранними работами Маркса и Энгельса. Был ли известен в России конца 40-х и начала 50-х годов «Манифест коммунистической партии»?

Сложность ответа на этот вопрос заключается в том, что свирепая цензура, которая была введена в России Николаем I, в связи с революцией 1848 г., не пропустила на страницы легальной печати даже намёка на «Манифест». Поэтому какие-либо ссылки или указания на «Манифест» в русских журналах конца 40-х и начала 50-х годов отсутствуют. Не удалось установить также статей, в которых, хотя бы и без указания на источник, пропагандировались идеи «Манифеста». Однако немногочисленные данные, которыми мы располагаем, дают основание для вывода, что в 50—60-х годах русские читали «Манифест». С «Манифестом коммунистической партии» были знакомы отдельные русские, которые за границей встречались с Марксом. Н. И. Сазонов в письме к Марксу от 2 мая 1850 г. объявлял себя сторонником коммунизма: «Я вполне присоединяюсь во всём существующем к тому, что вы высказали в «Манифесте», — писал он. В 1851 г. Сазонов даже перевёл «Манифест» на французский язык.

В конце 50-х и начале 60-х годов, после отмены драконовских цензурных законов, идеи «Манифеста» начинают проникать на страницы легальных изданий, но, во избежание запрета, без каких бы то ни было указаний на источник.

Наибольшее внимание привлекали те страницы «Манифеста», которые содержат историю развития капитализма, вскрывают его противоречия, характеризуют пролетариат как могильщика буржуазии. Используется острейшая критика капитализма, содержащаяся в «Манифесте»; однако его положительная программа долгое время, вплоть до образования группы «Освобождения труда», остаётся для России книгой за семью печатями. Отдельные идеи «Манифеста» были изложены в статьях, посвящённых экономике и рабочему движению на Западе и напечатанных на страницах переводных русских журналов в конце 50—60-х годов.

Не оставляет никакого сомнения то, что именно текст «Манифеста» использован на страницах легального издания П. Лавровым, автором вступительной заметки к статье Л. Рюдигера «Национальность», напечатанной в № 6 журнала «Заграничный вестник» за 1864 год Лавров писал: «В истории борьба и постоянные столкновения между личностями, отдельными кружками того же общества, различными общественными классами того же государства становятся беспрестанно помехой для правильного развития общества, вообще для его исторического роста. Значительный исторический успех возможен лишь тогда, когда борющиеся общественные элементы забывают временно свои распри во имя высшего начала, то есть высшего для них, а в сущности весьма часто фиктивного и заключающего гораздо менее действительного содержания, чем начала, во имя которых происходила борьба. Экономические вопросы всегда составляли самую существенную основу исторических столкновений: господин и раб, помещик и крепостной, собственник и пролетарий, капиталист и подёнщик — всё это различные формы проявления того же самого экономического дуализма, который возбуждал продолжительную борьбу, ряд административных реформ, ряд политических сделок»¹.

Приведённая цитата показывает, что ещё до отъезда за границу Лавров был знаком с «Манифестом». А это означает, что в России 60-х годов «Манифест» имел хождение.

«Манифест» читался за границей и представителями русской революционной эмиграции 60-х годов. Бесспорно, с «Манифестом» были знакомы А. И. Герцен, М. А. Бакунин и ряд других революционеров. В период деятельности I Интернационала «Манифест» несколько раз переиздавался. Этими изданиями пользовались и русские революционные эмигранты, проявившие интерес к I Интернационалу и даже входившие в его состав. Так, например, участник кружка Г. А. Лопатина, Н. Н. Любавин, вступивший в 1868 г. в Интернационал, в письме к видному деятелю рабочего движения, другу Маркса и Энгельса, И. Ф. Беккеру просил прислать ему из Женевы в Берлин 5 экземпляров «Манифе-

ста коммунистической партии», изданного в Майнце в 1868 году².

Впервые на русском языке «Манифест коммунистической партии» появился в конце 1869 г. в Женеве в переводе М. Бакунина, в издании «Колокола» С. Нечаева и Н. Огарёва. Это было первое произведение основоположников марксизма, переведённое на русский язык³. «Манифест» был издан брошюрой в 24 стр., напечатанной мелким шрифтом, без обложки и титульного листа, без указания имён авторов, места и года издания, переводчика и издателя. В связи с этим интересны указания самих авторов «Манифеста» по поводу первого русского перевода. В письме Энгельсу от 29 апреля 1870 г. Маркс сообщал: «Наконец, один экземпляр русского перевода нашего «Коммунистического манифеста» для тебя. Я увидел в «*Werker*» и пр., что унаследованное Бакуниным издательство «Колокола» издаёт и «Манифест»; я написал поэтому из Женевы шесть экземпляров. Это всё же интересный факт для нас»⁴.

В предисловии к немецкому изданию 1872 г., в справке о переводах «Манифеста» Маркс и Энгельс указывали и на русский — в Женеве в 60-х годах⁵. В предисловии к русскому изданию 1882 г. они писали: «Первое русское издание «Манифеста коммунистической партии» в переводе Бакунина появилось в начале 60-х годов в типографии «Колокола»⁶. Наконец, в предисловии Энгельса* к английскому изданию «Манифеста» 1888 г. мы находим следующие данные: «Первый русский перевод, сделанный Бакуниным, был издан около 1863 г. типографией герценовского «Колокола» в Женеве»⁷. Таким образом, здесь дата появления перевода указана более определённно. Однако она ошибочна и опровергается прежде всего вышеприведённым письмом Маркса к Энгельсу, датированным 29 апреля 1870 г., в котором Маркс сообщает о русском переводе «Манифеста», как о новинке. Он указывает, что издало «Манифест» унаследованное Бакуниным (разрядка моя. — Л. Л.) издательство «Колокола», то есть уже после смерти А. И. Герцена (Герцен

² «Литературное наследство» № 41—42, стр. 154—155. М., 1941.

³ Если не считать написанного Марксом «Устава Международного товарищества рабочих», опубликованного в русском переводе книги Э. Бехера «Рабочий вопрос» в 1869 г. Книга была конфискована.

⁴ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. XXIV, стр. 328—329.

⁵ К. Маркс. Избранные произведения в двух томах. Т. I, стр. 131. Госполитиздат. 1940.

⁶ Там же, стр. 132.

⁷ К. Маркс и Ф. Энгельс. Манифест коммунистической партии, стр. 15. ОГИЗ. Госполитиздат. 1939.

¹ «Заграничный вестник» № 6 за 1864 г., стр. 413—414.

умер в 1870 г.). Судя по данному письму, русский перевод «Манифеста» появился в 1870 году. Но известно, что в ноябре 1869 г. русский перевод «Манифеста» был задержан при пересылке его из-за границы. Отсюда можно сделать вывод, что «Манифест» был издан в конце 1869 года⁸.

В пользу этой даты говорит и тот факт, что 11 (23) января 1870 г. на пограничной станции Вержолово была задержана одна из участниц нечаевского процесса В. Александровская (оказавшаяся предательницей) «с огромным количеством печатных воззваний самого преступного свойства»⁹. Среди отобранной у Александровской литературы был и «Манифест коммунистической партии». Об этом сообщал Марксу 30 августа 1871 г. в связи с нечаевским процессом Николай — он (Даниельсон). «Среди осуждённых на длительный срок, — писал он, — имеется некая г-жа Александровская, которая привезла ряд прокламаций из Женевы в Россию. В большинстве своём это были прокламации в бакунинско-нечаевском духе, но среди них оказалась также одна вещь, не имеющая ничего общего с ними, а именно: русский перевод «Манифеста коммунистической партии»¹⁰.

Наконец, в письме члена русской секции Интернационала Н. М. Утина Марксу от 1 ноября 1872 г. указано, что второй номер «Народной расправы», в котором сообщается об изданном переводе «Манифеста», вышел в декабре 1869 г., а не в 1870 году.

Теперь о месте издания. С лёгкой руки известного библиографа Б. С. Шнейерсона ошибочно считают местом первого русского издания «Манифеста» Лондон¹¹. Шнейерсон и других, видимо, ввело в заблуждение указание Маркса и Энгельса на издательство «Колокола» (в «Вольная русская типография») ещё в 1865 г. была переведена из Лондона в Женеву. Там же, в Женеве, и был напечатан первый русский перевод «Манифеста». Именно из Женевы Маркс выписал 6 экземпляров «Манифеста», о которых он сообщал в письме к Энгельсу. Если бы «Манифест» был напечатан в Лондоне, зачем

было Марксу, жившему в этом городе, выписывать его из Женевы? На Женеву ссылаются и Энгельс в предисловии к английскому изданию «Манифеста» 1888 года. Наконец, и Александровская, у которой был найден «Манифест», ехала также из Женевы.

Переводчиком «Манифеста», судя по предисловиям Маркса и Энгельса к изданиям «Манифеста», а также по упоминавшемуся выше письму Утина к Марксу, был М. А. Бакунин.

Русский перевод «Манифеста» был выпущен издательством «Колокола» Нечаева и Огарёва. Об этом говорит прежде всего цитированное письмо Маркса к Энгельсу, указывающее на «унаследованное Бакуниным издательство «Колокол»». На страницах «Колокола», начиная с № 3 от 16 апреля 1870 г., неоднократно публиковалось объявление о том, что в бюро редакции «Колокола» среди других изданий вольного русского слова, появившихся за последнее время, можно за один франк приобрести «Манифест коммунистической партии».

В своей статье «Главные основы будущего общественного строя», помещённой в журнале «Народная расправа» № 2, С. Нечаев указывает: «Подробное теоретическое развитие наших главных положений желающие найдут в изданной нами статье (брошюре) «Манифест коммунистической партии». Наконец, шрифт и бумага первого русского издания «Манифеста» сходны с шрифтом и бумагой нечаевского «Колокола».

Чем можно объяснить тот факт, что Бакунин и Нечаев, являясь заклятыми врагами Маркса и марксизма, ведя подрывную работу в Интернационале, были первыми переводчиками и издателями «Манифеста коммунистической партии» на русском языке?

Конечно, объяснение Э. Бернштейна¹², утверждавшего, что Бакунин усвоил идеи исторического материализма и считал себя учеником Маркса, не выдерживает критики. Ещё Плеханов справедливо заметил по поводу комплиментов Бакунина историческому материализму, что он (Бакунин) «совершенно не усвоил материалистического понимания истории, он был лишь «софистизирован» этим учением»¹³. «Солидарность Бакунина, — говорит Плеханов, — доказывает только, что он, несмотря на знакомство с исторической теорией Маркса, остался неисправимым утопистом»¹⁴.

Известно, что Бакунин был большой мастер интриги и часто действовал провокационно. Перевод «Манифеста» Бакуниным и следует рассматривать как один из приёмов его двурушничества. Бакунин стремился «пробраться при помощи ин-

⁸ Б. К. «О первом русском переводе коммунистического манифеста». «Каторга и ссылка» № 3 за 1933 г., стр. 173—174.

⁹ Доклад министра юстиции по нечаевскому делу в книге «Нечаев и нечаевцы», стр. 18. Соцэкиз. 1931.

¹⁰ Переписка К. Маркса и Ф. Энгельса с русскими политическими деятелями. М. 1947, стр. 76—57.

¹¹ Шнейерсон Б. Опыт библиографии произведений Карла Маркса и Энгельса в русских переводах, стр. 149. М. «Красная новь». 1924. См. также редакционное вступление к предисловию Плеханова к русскому переводу «Манифеста коммунистической партии» в сборнике «Литературное наследие Плеханова». Т. VIII, ч. 1-я, стр. 22.

¹² Э. Бернштейн. Карл Маркс и русские революционеры, стр. 29—30. Харьков. «Пролетарий». 1923.

¹³ Плеханов Г. Анархизм и социализм. Соч. Т. IV, стр. 211.

¹⁴ Там же, стр. 213.

триг к руководству рабочим движением»¹⁵, разложить Интернационал изнутри. Он прекрасно понимал, какая роль принадлежала Марксу в Интернационале и рабочем движении вообще. Поэтому он заигрывал с Марксом, чтобы войти к нему в доверие и одновременно попытаться изолировать Маркса от его последователей в Интернационале. Для Бакунина было ясно, что выступать против Маркса с открытым забралом — значит сразу же потерпеть поражение.

Это подтверждается письмом самого Бакунина Герцену от 28 октября 1869 г., относящимся как раз к тому периоду, когда он переводил «Манифест».

Бакунин писал: «Я пошадил и превознёс его (Маркса. — Л. Л.) также из тактики, из личной политики. Как же ты не видишь, что все эти господа вместе взятые — наши враги, составляют фалангу, которую нужно прежде разъединить, раздробить, чтобы легче её разбить. Ты учёнее меня и потому лучше меня знаешь, кто первый сказал: «Divide et impera». Если бы я пошёл теперь открытой войной против Маркса, три четверти интернационального мира обратились бы против меня, и я был бы в накладе, потерял бы единственную почву, на которой хочу стоять. Начав же войну нападением на его сволочь, я буду иметь за себя большинство, да и сам Маркс, в котором, как тебе известно, злостной радости, Schadenfreude, тьма тьмущая, будет очень доволен, что я задел и отделал его друзей. Ну, а когда я ошибусь в расчёте и он за них вступится, то ведь он первый начнёт открытую войну, но тогда и я покачусь назад et j'aurai le beau rôle»¹⁶.

Таков был провокационный, интриганский план Бакунина. Перевод на русский язык «Манифеста», Бакунин делал только жёст солидарности с Марксом.

Стремясь завоевать больше сторонников «Альянса» в России, Бакунин и Нечаев пытались в этих целях использовать незыблемый авторитет «Манифеста», «создать видимость, что этот абсурдный план практической организации имеет теоретическую основу»¹⁷.

Перевод «Манифеста», сделанный Бакуниным, неудовлетворителен и искажает идеи «Манифеста». Так, например, на протяжении всего перевода слово «класс» заменено «сословием», «классовая борьба» переводится как «сословная борьба», «классовые противоположности» — как «сословные различия». Слова авторов «Манифеста»: «Если не по содержанию, то по форме борьба пролетариата против буржуазии является сначала борьбой национальной» — Бакунин заменил собственным измышлением: «Если не по существу, то по форме борьба про-

летариата против буржуазии должна быть социальной», вместо «Завоевание пролетариатом политической власти» он перевёл «Завоевание политической власти через посредство пролетариата». Имеется в переводе ряд пропусков, так, при перечислении тех классов, с которыми на различных этапах борется пролетариат, пропущена мелкая буржуазия. По-анархистски термином «бунт» заменён термин «открытые восстания» и т. д.

Широкого распространения данное издание не получило. В основном оно распространялось за границей. В Россию попало небольшое количество экземпляров (например, оно было у известного народника 60—70-х годов Зайчневского и истолковывалось последним в духе бланкизма. Зайчневский использовал «Манифест» в борьбе с лавристами и бакунистами)¹⁸.

Плеханов в предисловии к русскому изданию «Манифеста» в 1882 г. говорил о первом русском издании «Манифеста», как о библиографической редкости. Перевод «Манифеста» в 1906 г. для издательства «Знание». В. В. Воробьёвский не смог его найти в русских библиотеках. В СССР оно сохранилось только в двух экземплярах.

В 70-х годах делаются первые попытки нелегального издания «Манифеста» в России. Издания эти были выпущены литографским путём народническими кружками. Так, М. Ю. Ашенбреннер вспоминает, что в середине 70-х годов он имел при себе десятка два нелегальных или изъятых из распространения книг, среди которых находилось и литографированное издание «Манифеста», выпущенное московскими студентами¹⁹. Литографированное издание «Манифеста» было найдено при обыске у некоторых долгушинцев (1873—1874)²⁰. Распространялся «Манифест» и в рукописях. Рукописный экземпляр «Манифеста» был отобран у Н. И. Кибальчица при обыске в Петербурге 11 октября 1875 года²¹.

Царская цензура запрещала распространение этого произведения как в русском и иностранных переводах, так и на языке оригинала. Наиболее ранний сохранившийся цензурный документ о «Манифесте» относится к 1872 году. В нём писалось: «Рассмотренный нами манифест Коммунистического союза если и не проповедует тех ужасов разрушения, которыми ознаменовалась международная ассоциация рабочих в Париже, то, тем не менее, он бросил её семена на производительную и восприимчи-

¹⁸ См. Русанов «На родине 1859—1882 гг.», стр. 102. М. изд. Политкаторжан. 1931.

¹⁹ Ашенбреннер М. Военно-революционная организация партии Народной воли. «Каторга и ссылка» № 7 за 1923 г., стр. 59; см. также «Энциклопедический словарь» Граната. Т. 40, вып. 5—6, стб. 13—14. Автобиография М. Ю. Ашенбреннера.

²⁰ Кунько Л. «Долгушинцы», стр. 65. М. изд. Политкаторжан. 1932.

²¹ Кантор Р. «О процессе Н. И. Кибальчица. 1875—1878». «Каторга и ссылка» № 8—9 за 1929 г., стр. 239.

¹⁵ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. XXIV, стр. 224.

¹⁶ Бакунин М. Письма к А. И. Герцену и Н. П. Огарёву, стр. 34. СПб. 1906.

¹⁷ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. XIII. Ч. 2-я, стр. 622.

вую для всякого беспорядка почву пролетариата, которые возросли, созрели и принесли свои плоды в последних её проявлениях»²².

Важным источником для ознакомления русского читателя 70-х годов с идеями «Манифеста» была русская зарубежная периодическая печать. Ссылки на «Манифест» мы находим на страницах зарубежных нелегальных революционных журналов. В кругах русской революционной эмиграции 70-х годов «Манифест» был уже широко известен. Его читали и в русском переводе Бакунина и на языке оригинала. Ссылки на «Манифест» (главным образом по немецкому изданию 1872 г.), цитаты из него особенно часто встречаются в статьях П. Л. Лаврова в его органе «Вперёд» (№ 19 за 1875 г., № 34 за 1876 г. и т. д.). Особенно часто Лавров ссылался на «Манифест» в статьях, посвящённых рабочему движению и I Интернационалу.

В 70-е годы идеи «Манифеста» проникают и на страницы легальных журналов.

С точки зрения ознакомления читателя русской легальной литературы 70-х годов с «Манифестом коммунистической партии» большой интерес представляет статья «Социальное движение в Германии» о немецком издании книги Ф. Меринга «История германской социал-демократии», напечатанная в журнале «Вестник Европы» № 1 за 1879 год. В этой статье, автор которой, Л. А. Полонский, скрылся под подписью Л. А.—в, впервые в русской легальной печати даётся не только подробное изложение содержания «Манифеста», но публикуются важнейшие, наиболее острые места из него, включая заключительные слова и лозунг «Пролетарии всех стран, соединитесь!». Излагая содержание книги Меринга, автор статьи останавливается на деятельности Маркса и Энгельса и их произведениях. Он рассказывает о «Союзе коммунистов», о «Манифесте», сравнивая его с Готской программой, а затем почти текстуально приводит ряд важнейших положений «Манифеста»: «Современная государственная власть представляется в виде комиссии, поставленной буржуазией для ведения общих её дел. Буржуазия сама играла в истории роль революционную. Везде, где только устанавливалось её господство, она ниспровергала все феодальные, патриархальные, идилические отношения. Разнообразные феодальные связи, которые соединяли человека с естественными его начальниками, она немилосердно разорвала и не оставила никакой иной связи между одним человеком и другим, кроме голого интереса, кроме бесчувственной уплаты чистогоаном. Священный ужас набожного мечтания она утопила в ледяной струе эгоистического расчёта. Личное достоинство она разменяла на ходячую монету, а на место бесчисленных жалованных и доброслуженных старых вольностей она поставила одну — бессовестную свободу торговли. Одним словом,

на место прежней эксплуатации, прикрытой религиозными и политическими иллюзиями, она поставила эксплуатацию открытую, бесстыдную, прямую, бесплодную и т. д. и т. п. В заключении «Манифеста» объявлялось прямо, что «цели социалистов могут быть достигнуты только путём насильственного ниспровержения всего существующего общественного устройства. Пусть господствующие классы трепещут перед коммунистической революцией! Пролетарии не рискуют ничего потерять от неё, кроме цепей, — а выиграть они могут целый мир. Пролетарии всех стран, соединитесь!»²³.

Статья содержит ряд неверных положений. Так, например, автор приписывает «Манифесту» лассалевский «железный закон заработной платы», он повторяет клевету о том, что «Манифест» неоригинален, что его идеи якобы заимствованы у французских социалистов. Приводя знаменитые заключительные слова «Манифеста», включая и лозунг «Пролетарии всех стран, соединитесь!», автор бездоказательно утверждает, что «этот коней, судя по форме(?), даже прямо переведён с французского». Голословны слова автора о том, что «Манифест» «прошёл в Германии бесследно». И всё же данная статья, хотя и меньше всего преследовала задачи популяризации марксизма, представляет интерес. Ни до неё, ни после, вплоть до революции 1905—1907 гг., в русской легальной печати так подробно не излагалось содержание «Манифеста коммунистической партии».

Однако издание и распространение народниками «Манифеста коммунистической партии» и других произведений Маркса и Энгельса не могли сыграть сколько-нибудь выдающейся роли в формировании общественной мысли в России, тем более, что народники брали из «Манифеста», «Капитала» и других произведений основоположников марксизма главным образом критику капитализма для обоснования своей народнической теории об особом пути развития России и о преимуществах русской общины перед «гниющим Западом».

Иное положение наступило после создания группы «Освобождение труда». Группа «Освобождение труда» проделала большую работу по распространению марксизма в России. Первым изданием её следует считать «Манифест коммунистической партии», переведённый Г. В. Плехановым и изданный в Женеве в мае 1882 года²⁴.

На первый взгляд может показаться странным, каким образом плехановский перевод «Манифеста», выпущенный в народовольческом издании «Социально-революционная библиотека» в 1882 г., можно отнести за счёт группы «Освобождение труда», созданной только в 1883

²² «Вестник Европы» № 1 за 1879 г., стр. 224.

²⁴ В предисловиях к английскому (1888) и немецкому (1890) изданиям Энгельс ошибочно называет переводчиком В. Засулич.

²² «Историк-марксист» № 2 за 1938 г., стр. 106.

году? Не являясь формально изданием группы, плехановский перевод тем не менее неразрывно связан со всей переводческой и издательской деятельностью членов группы «Освобождение труда», так как возник по личной инициативе Плеханова, который уже к тому времени под влиянием «Манифеста» переходил на позиции марксизма. Плеханов переводил и издавал «Манифест» как будущий член группы «Освобождение труда». В письме к Н. А. Рубакину от 12 октября 1910 г. Плеханов указывал, что он «стал марксистом не в 1884 г., а уже в 1882 г.»²⁵. «Я готов создать из «Капитала» прокрустово ложе для всех сотрудников «Вестника народной воли», — писал Плеханов весной 1882 года²⁶. Мало того: издание «Манифеста» встретило равнодушное отношение со стороны членов редакции «Социально-революционной библиотеки», в частности Лаврова.

В своей статье «Первые шаги социал-демократического движения в России», опубликованной в 1909 г., Г. В. Плеханов рассказывает по этому поводу: «Лично о себе могу сказать, что чтение «Коммунистического манифеста» составляет эпоху в моей жизни. Я был вдохновлён «Манифестом» и тотчас же решил его перевести на русский язык. Когда я сообщил о моём намерении Лаврову, он отнёсся к нему равнодушно. «Конечно, следовало бы перевести «Манифест», — сказал он, — но Вы сделали бы лучше, если бы написали что-нибудь своё». Я не торопился выступить сам и предпочёл сначала перевести «Манифест»²⁷.

Таким образом, пропаганду марксизма в России Плеханов начал в 1882 г. выпуском нового русского перевода «Манифеста коммунистической партии» «этого «евангелия» международной социал-демократии»²⁸.

✓ Перевод «Манифеста» был сделан Плехановым с немецкого издания 1872 г., но русское издание не просто воспроизводит немецкое, оно носит оригинальный характер. Плеханов привлёк для своего издания дополнительные материалы из произведений классиков марксизма.

Кроме текста «Манифеста» и предисловия авторов к немецкому изданию 1872 г. русский перевод, выпущенный Плехановым, содержал и большое предисловие Плеханова («Несколько слов от переводчика»), предисловие Маркса и Энгельса к русскому изданию и в приложениях: 1) отрывок из «Гражданской войны во Франции» и 2) «Устав Международного товарищества рабочих». Кроме того Плеханов снабдил свой перевод двумя примечаниями.

Особенно большое значение имеет тот факт, что к данному изданию Маркс и

Энгельс написали специальное предисловие. Мысль обратиться к авторам «Манифеста» с просьбой написать предисловие к русскому изданию «Манифеста» возникла у Плеханова в связи с наличием предисловия Маркса и Энгельса в немецком издании 1872 года. Но лично Плеханов с Марксом и Энгельсом в тот период знаком не был, и поэтому он попросил Лаврова написать им о предисловии. «Это предисловие (к изданию 1872 г. — Л. Л.), — писал Плеханов Лаврову, — наведло меня на мысль попросить Маркса или Энгельса написать к нашему переводу более полное предисловие. Как Вы об этом думаете? Издание выиграло бы через это очень немало. Если находите мою мысль исполнимой, то потрудитесь написать об этом Марксу, так как к Вашей просьбе он отнесётся с гораздо большим вниманием, чем ко всякой другой. Сообщите, пожалуйста, мне о Вашем решении»²⁹.

В ответ на просьбу Лаврова Маркс прислал написанное им совместно с Энгельсом предисловие. «Дорогой друг! — писал Маркс Лаврову. — Прилагаю несколько строк для русского издания «Коммунистического манифеста»; так как они предназначены для перевода на русский язык, то стилистически не так отделаны, как это необходимо было бы для опубликования их на немецком языке, на котором они написаны»³⁰.

Маркс и Энгельс придавали большое значение своему предисловию к русскому изданию «Манифеста», рассматривая его как составную часть изданий «Манифеста» и на других языках. 10 апреля 1882 г. Энгельс просил Лаврова прислать ему немецкий оригинал предисловия для напечатания его в шпоришском «Социал-демократе». В предисловии к немецкому изданию «Манифеста» в 1890 г. Энгельс целиком воспроизводит это предисловие, лично переводя его с русского³¹.

Кроме предисловия Маркса и Энгельса в русском издании 1882 г. было помещено небольшое предисловие переводчика. В нём Плеханов обрисовал значение «Манифеста коммунистической партии», указав,

²⁵ «Дела и дни». Кн. 2-я за 1921 г., стр. 89.

³⁰ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. XXVII, стр. 178.

По данному вопросу в литературе имеется иная версия. Основываясь на личных воспоминаниях, Л. Г. Дейч утверждает, что к Марксу обратилась Засулич, а не Лавров и что предисловие прислал Энгельс, а не Маркс, так как последний в это время был болен (см. «Дела и дни». Кн. 2-я за 1921 г., стр. 92. «Группа Освобождение труда». Сб. 1-й, стр. 133. М. 1924 г.). Утверждение Дейча ошибочно и опровергается цитированным выше письмом Маркса. Эта же ошибка повторена во вступительной заметке к предисловию Плеханова к «Манифесту», перепечатанному в VIII томе «Литературного наследия Г. В. Плеханова».

³¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. «Манифест коммунистической партии», стр. 18.

²⁵ «Литературное наследие Г. В. Плеханова». Т. VIII, стр. 22.

²⁶ «Дела и дни». Кн. 2-я за 1921 г., стр. 91.

²⁷ «Литературное наследие Г. В. Плеханова» Т. VIII, стр. 17.

²⁸ Ленин. Соч. Т. 5, стр. 313. 4-е изд.

что «вместе с другими сочинениями его авторов «Манифест» открывает новую эпоху в истории социалистической и экономической литературы — эпоху беспощадной критики современных отношений труда к капиталу и чуждого всяких утопий, научного обоснования социализма»³². Приведя мотивы, побудившие выпустить новое русское издание «Манифеста», Плеханов показал, какое значение имеет «Манифест» для русского революционного движения, и остановился на приложениях к данному изданию.

Рассматривая «Манифест» как исторический документ и в то же время как программу «Союза коммунистов», основоположники марксизма не считали себя вправе при последующих изданиях вносить те или иные изменения и дополнения в текст «Манифеста». Необходимые поправки они делали в предисловиях и примечаниях к этим изданиям. В предисловии к немецкому изданию 1872 г., исходя из опыта Парижской коммуны, Маркс и Энгельс указывали, что «рабочий класс не может просто овладеть готовой государственной машиной и пустить её в ход для собственных целей»³³, — он должен её сломать. Обосновывая это важнейшее положение марксистского учения о государстве, Маркс и Энгельс отсылают читателя «Манифеста» к «Гражданской войне во Франции», где этот вопрос разобран подробнее. Именно поэтому Плеханов поместил в своём издании «Манифеста» соответствующее место из «Гражданской войны во Франции». Это приложение вызвало одобрение Энгельса. В письме к Э. Бернштейну от 1 января 1884 г. он указывал: «Русские очень хорошо оделали, присоединив это место из «Гражданской войны» к своему переводу «Манифеста». Если бы тогда не надо было так спешить с выпуском, мы тоже могли добавить это и ещё кое-что другое»³⁴.

Целесообразность помещения в приложение «Устава международного товарищества рабочих» мотивировалась Плехановым тем, что I Интернационал явился плодотворным опытом международной организации рабочего класса на началах, впервые сформулированных в «Манифесте коммунистической партии».

Выход в свет нового русского издания «Манифеста» в марксистском переводе в период, когда зарождался марксизм в России, не был уже «литературным курьёзом». Авторы «Манифеста» были очень обрадованы его появлением. 12 ноября 1883 г. Энгельс сообщал, что он получил это издание, а в письме к П. Лаврову указывал: «Женевские русские издания «Манифеста» и т. д. меня очень порадовали»³⁵.

³² К. Маркс и Ф. Энгельс «Манифест коммунистической партии», стр. 111. Женева. 1882.

³³ К. Маркс и Ф. Энгельс «Манифест коммунистической партии», стр. 10. Госполитиздат. 1939.

³⁴ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. XXVII, стр. 339.

³⁵ Там же, стр. 349.

Русские переводы «Манифеста» Энгельс считал стоящими выше переводов этого произведения на другие языки: «Переводить «Манифест» дьявольски трудно; русские переводы, пожалуй, лучшие из всех, которые я встречал»³⁶, — писал он.

Плехановский перевод «Манифеста коммунистической партии» стоит неизмеримо выше бакунинского. Будучи марксистом (хотя и молодым в тот период), проникнув в сущность идей «Манифеста», целиком разделяя их, Плеханов дал перевод, который в общем и целом соответствует оригиналу. Перевод этот выдержал наибольшее количество русских изданий. Однако он не лишён ряда политических ошибок, неточных формулировок, вольного обращения с текстом, неудачных терминологических подстановок. Так, например, положение «Манифеста» о том, что определённые группы буржуазии, разоряясь, переходят в ряды пролетариата и «приносят пролетариату большое количество элементов образования», Плеханов перевёл: «являются воспитательными элементами в среде пролетариата»; «классовые различия» переводится им как «различия общественных положений»; «бессовестная торговля» звучит в переводе как «чуждая идеологическим соображениям торговля»; «гибель буржуазии» Плеханов переводит как «поражение буржуазии». Маркс и Энгельс пишут, что «политическая власть — это организованное насилие одного класса над другим», а по Плеханову получается, что «политическая власть — это организованная сила».

Таким образом, в ряде мест в переводе смягчается политическая заострённость, классовая непримиримость, боевой партийный дух, пронизывающие «Манифест коммунистической партии». В этих политических ошибках перевода уже проявляются зародыши будущего меньшевизма Плеханова.

Но несмотря на эти ошибки следует отметить, что до появления перевода Воробского в 1906 году это был единственный марксистский перевод «Манифеста». Многочисленные нелегальные — гектографированные, литографированные и прочие — издания воспроизводили перевод Плеханова.

По выходе этого издания полиция и цензура повели с ним борьбу. Секретная «Хроника социалистического движения в России 1878—1887», издавшая в 1888 г. в Париже на французском языке, в обзоре деятельности русских революционеров за 1882 г. сообщала: «Также появился в русском переводе редактированный Марксом и Энгельсом «Манифест коммунистической партии»³⁷. Цензура запретила его, включив в «Алфавитный список книг, запрещённых к обращению и перепечатыванию в России».

Трудности получения зарубежных изданий группы «Освобождение труда», их небольшой тираж вынуждали марксистские и отчасти народнические кружки в России за-

³⁶ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. XXVII, стр. 322.

³⁷ Цит. по изд. В. М. Саблина, стр. 227. СПб. 1907.

ниматься самостоятельно переводами и изданием марксистской литературы. Среди произведений Маркса и Энгельса переводился и нелегально издавался в России 80-х годов и «Манифест коммунистической партии». Сведения об этих изданиях регулярно приводились в зарубежной нелегальной печати, о них рассказывается в воспоминаниях, в полицейских документах, образцы этих изданий сохранились в наших библиотеках.

В Москве в 1882 г. «Манифест» был издан не в плехановском переводе³⁸. Предполагают, что он был напечатан в литографии Янковской³⁹. В 1883 или 1884 г. он был вновь выпущен Московским кружком молодежи и распространялся среди рабочих⁴⁰. В начале мая 1885 г. у студента Петровской сельскохозяйственной академии в Москве А. Ерофеева была захвачена цинкография с оттиском «Манифеста коммунистической партии»⁴¹. Гектографированное издание «Манифеста» было выпущено в Петербурге группой издателей журнала «Студенчество»⁴². В первой половине 1885 г. «Манифест» напечатали казанские народники⁴³. Гектографированное издание «Манифеста» распространялось в конце 80-х годов и в Нижнем Новгороде⁴⁴.

У Таким образом, судя только по указанным источникам, в 80-е годы в России было выпущено 9 нелегальных изданий «Манифеста»: в Москве, Петербурге, Казани и Нижнем Новгороде. Популярность «Манифеста» в России 80-х годов была бесповторна.

Первая марксистская группа в Петербурге — кружок Д. Благоева в 1886 г. — получила из-за границы транспорт литературы, среди которой был и «Манифест коммунистической партии»⁴⁵. Этим же кружком была разработана и опечатана на гектографе программа для пропагандистских занятий с рабочими на тему «Введение в историю и политическую экономию». В конце программы был помещён список литературы, разделяющийся на два основных отдела — беллетристический и научный.

³⁸ Сергиевский Н. «Первый транспорт литературы группы «Освобождение труда», «Красный архив» № 5 (18) за 1926 г., стр. 198.

³⁹ И. Егоров. В своей статье «Пропаганда сочинений Маркса в 1883—1905 гг. в России» («Красная летопись» № 2 (53) за 1933 г., стр. 63) называет без всяких на то оснований это издание первым русским переводом «Манифеста».

⁴⁰ Бурцев В. Из моих воспоминаний. «Свободная Россия» № 1 за 1889 г., стр. 48—49. Женева.

⁴¹ Меньшиков Л. Охрана и революция. Ч. 1-я, стр. 56. М. Гиз. 1925.

⁴² «Вестник Народной воли» № 1 за 1883 г., стр. 138.

⁴³ Сергиевский Н. «Чёрный передел и народники 80-х годов». «Каторга и ссылка», № 1 за 1931 год.

⁴⁴ Мицкевич С. «Революционная Москва», стр. 49. Гослитиздат, 1940.

⁴⁵ «Красный библиотекарь» № 8 за 1930 г., стр. 59.

К темам по истории Запада рекомендовался «Манифест коммунистической партии»⁴⁶.

В нелегальной части библиотеки группы П. Л. Точиского (Петербург 1885—1889) имелось от 5 до 10 экземпляров «Манифеста». «Манифест» читался рабочими с пояснениями пропагандистов⁴⁷. Изучали «Манифест» и участники так называемой Брусневской группы (Петербург. Конец 80 — начало 90-х годов).

О популярности «Манифеста» в России 80-х годов говорит и тот факт, что петербургские студенты в связи со смертью К. Маркса опубликовали в литографированном нелегальном журнале «Студенчество» (№ 4, апрель 1883 г.) воззвание «На венок Марксу», в котором говорилось: «Маркс издал вместе с Энгельсом свой главный «Манифест». Недавно ещё мы читали на русском языке этот «Манифест» и поражались меткостью характеристик, силой обобщений, научным беспристрастием и как бы пророческой новизной взглядов».

Довольно значительное распространение получил «Манифест» в 80-е годы на юге России. Заграничные издания «Манифеста», пересылаемые через матросов на пароходах, попадали в южные порты, откуда распространялись по городам Южной России. В 1882—1884 гг. «Манифест» распространялся среди рабочих в Ростове на Дону⁴⁸. Одна из участниц народофильского движения в своей автобиографии вспоминает по этому поводу: «Читала им (рабочим) — Л. Л.) в популярном изложении главы из «Капитала» Маркса о прибавочной стоимости, о трудовой стоимости, «Коммунистический манифест», знакомый мне давно в русском переводе»⁴⁹. Имеются указания и на то, что «Манифест» читался в Харькове и Харьковской губернии⁵⁰.

О. Е. Слободской, работая в конце 80-х годов химиком на сахарном заводе в Лебедине, разъяснял «Манифест» небольшим кружкам рабочих (по 7—8 человек)⁵¹. Сравнительно широко распространялся «Манифест» и в городах Западной России. Так, «Манифест» читался среди рабочих и ремесленников в Вильно в 1886—1889 годах⁵². Попал «Манифест» и на Волгу. В Нижнем Новгороде в конце 80-х годов существовал народнический кружок Чекина. Занятия в кружке проводились по обшир-

⁴⁶ «Красная летопись» № 7 за 1923 г., стр. 275—284.

⁴⁷ Там же, стр. 330.

⁴⁸ «Былое». Вып. II за 1903—1904 гг.; «Дополная речь» (Русская историческая библиотека).

⁴⁹ Добрускина Г. Автобиография. «Энциклопедический словарь» Граната. Т. 40, стр. 124.

⁵⁰ «Летопись революции» № 5 за 1923 г., стр. 98, статья Веденеева.

⁵¹ Группа «Освобождение труда». Сборник 5 за 1926 г., стр. 59. М.-Л. ГИЗ.

⁵² «Каторга и ссылка» № 2 за 1930 г., стр. 42; Е. Спонти «На заре рабочего движения в Москве», стр. 97. М. 1932; «Красная летопись» № 5 за 1923 г., стр. 11.

ной программе, которая делилась на две части: политико-экономическую и изучение русской действительности. В списке литературы к первой части рекомендовался «Манифест коммунистической партии»⁵³. Один из руководителей первой московской марксистской организации С. И. Мицкевич свидетельствует, как он летом 1889 г. в Нижнем Новгороде достал у Чекина «Манифест». Но тогда ещё, «очевидно, я не понял всей глубины содержания этого знаменитого произведения»⁵⁴, — говорит он. Когда же Мицкевич перечитал «Манифест» после «Наших разногласий» Плеханова, то теперь уже понял его по-иному. «Новое огромное впечатление он произвёл на меня.

⁵³ Мицкевич С. «Революционная Москва», стр. 49. Гослитиздат. 1940.

⁵⁴ Там же, стр. 74.

Я начинал понимать основы великой теории Маркса, я становился марксистом и уже на всю жизнь»⁵⁵, — писал С. И. Мицкевич в своих воспоминаниях.

Пропагандировался «Манифест» и в Саратове. При одном обыске в 1886 г. наряду с народнической литературой был найден и «Манифест», то же повторилось и в 1889 году⁵⁶.

Пропаганда «Манифеста» в 80-е годы среди сравнительно узкого круга революционной интеллигенции и наиболее передовых рабочих подготовила почву для более массового распространения «Манифеста» в 90-е годы и в начале 900-х годов.

⁵⁵ Там же, стр. 86.

⁵⁶ «Пролетарская революция» № 4/75 за 1928 г., стр. 143.